

Средства и приемы связи в научном тексте

Головачева Александра Евгеньевна

*Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Научный текст обладает характерными особенностями создания и построения: он носит монологический характер, при его создании производится строгий отбор языковых средств, практически не используются слова из разговорной речи. Наряду с особой тактикой изобретения, все тексты науки объединены общими функционально-стилевыми особенностями, то есть тексты из разных областей наук (гуманитарных, естественных, точных) имеют ряд общих черт, но различаются характером содержания. Эти общие формальные особенности объединяются понятием научный стиль. Функциональные стили стали выделять еще в 20-е годы XX века. Вопросом об определении понятия и выделении конкретных стилей занимались такие ученые как В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев, Г.О. Винокур, Ю.С. Степанов, М.М. Бахтин, А.Н. Васильева, М.Н. Кожина и др. В отечественной традиции принято выделять следующие стили: научный, публицистический, официально-деловой и разговорный. Некоторые ученые также называют еще и художественный стиль, но вопрос о необходимости его выделения остается спорным, и в нашем исследовании мы этой проблемы касаться не будем.

Научный стиль имеет ряд общих для всех дисциплин черт, проявляющихся независимо от характера самих наук (естественных, точных, гуманитарных) и жанров высказывания (монография, научная статья, доклад, учебник), что позволяет говорить о специфике стиля в целом. Он характеризуется отвлеченностью и обобщенностью, логической последовательностью, а также системной связью между частями высказывания, стремлением авторов к точности, сжатости, однозначности при сохранении насыщенности содержания. Он обладает морфологическими и синтаксическими особенностями, свойственными написанию текстов совершенно различных областей наук. Например, формы единственного числа имен существительных используются в значении множественного числа: *сосна – вечнозеленое растение*, наблюдается значительное употребление абстрактных существительных, ослабление или даже опустошение значения времени глагола создает предпосылку для весьма интенсивного образования отглагольных существительных – суффиксальных и бессуффиксальных: *гранение, плавление*; вещественные и отвлеченные существительные нередко употребляются в форме множественного числа: *смазочные масла, низкие температуры*. Так как для научной речи характерны отвлеченность и обобщенность, в текстах часто используются глаголы в форме 3-го лица. Относительно выбора лица Шмелев писал «Отстраненность первых лиц заключается в том, что научное изложение представляет собой сообщение о фактах, существующих объективно, вне зависимости от воли автора и вне его текста» [Шмелев 1977: 61]. Также, глаголы в формах настоящего и прошедшего времени часто имеют вневременное значение: *электроны вращаются вокруг положительно заряженного ядра*; а формы будущего времени и формы повелительного наклонения используются для описания проведенных экспериментов в ходе доказательства той или иной теории: *возьмём; докажем, что; представьте*. Преобладание имени существительного над глаголом, резкое ослабление глагольности – характерные черты морфологии научного стиля.

Для синтаксиса научного стиля типичными являются осложненные и сложные конструкции, но наряду с ними также встретятся и простые предложения, особенно в описании проведения опытов и доказательствах теорем. Используются предложения с однородными членами и обобщающими словами при них. В научных текстах распространены разные типы сложных предложений, с использованием составных подчинительных союзов: *вследствие того что; ввиду того что, в то время как*. Средствами связи частей текста служат вводные слова и сочетания: *во-первых, наконец, с*

другой стороны, указывающие на последовательность изложения. Чтобы перейти от одной части текста к другой, используются указывающие на связь между ними слова и словосочетания: *таким образом, в заключение*. Также для синтаксиса научного текста характерно употребление причастных и деепричастных оборотов. По характеру высказывания чаще всего используются повествовательные предложения.

Среди средств, служащих логической связи в научном тексте, на наш взгляд, следует также выделить лексические и риторические. Так, в научных работах часто встречается прием аналогии, силлогизмы и такие риторические фигуры, как анафора, эпифора, параллелизм, употребляется большое количество модальных глаголов. Особое внимание следует обратить на композиционное устройство текста: если это письменный текст, то сначала задается тема исследования, а потом строится доказательство. В устной реализации научной мысли (лекция, доклад) на первом плане может идти описание опыта, доказывающего ту или иную теорию, а уже в качестве вывода формулироваться сама тема исследования.

Так как научный текст содержит в себе обоснование описываемой теории, утверждения или открытия, то для его доказательства играет важную роль построение аргументации, как на уровне построения предложения (актуальное членение), так и на уровне текста (хронологическая и логическая последовательность описания проведенных опытов; один эксперимент вытекает из другого, а результаты являются доказательством предмета работы).

И последнее, что хотелось бы выделить, это графическое оформление научного текста. Связь в тексте может осуществляться выделением пунктов, новая мысль оформляется заголовком, выделенным другим шрифтом, а для удобства восприятия выбираются разные междустрочные интервалы. Графически разделенный научный текст, стремящийся к структурированности, легче воспринимается читателем.

Таким образом, проанализировав историю вопроса и ряд научных текстов разных дисциплин, мы выделяем следующие группы средств и приемов связи в научном тексте:

- Морфологические,
- Синтаксические,
- Лексические,
- Риторические,
- Графические.

Литература

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Объявления в маршрутном такси: жанровые и языковые особенности

Ерёмина Кристина Валерьевна

Студентка Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

По утверждению М.М.Бахтина: «речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний» [Бахтин: 263], «относительно устойчивые типы таких высказываний... мы называем речевыми жанрами» [Бахтин: 250]. Тексты существуют в виде конкретных жанров.

Жанр объявления традиционно рассматривался в русле официально-делового стиля. Так, А.А.Миронова отмечает следующие специфические свойства объявления:

Широкое использование общественно-политической лексики и специальной терминологии; возможно наличие реалий и аллюзий; в меньшей степени использование оценочных и экспрессивных средств; краткость; лаконичность [Миронова: 49].

Миронова А.А. указывает на традиционные функции жанра объявления: «Выделительная, развлекательная, маскирующая, дополняющая функции» [Миронова: 137].

Структура объявления: Форма:
 - вступление - заголовок
 - основная часть - основной текст
 - заключение - подписи и комментарии [Миронова:149].

Тексты объявлений в маршрутном такси представляют собой гипержанр. Жанр официального объявления претерпевает изменения: из собственно официально- деловой сферы в сферу неофициального функционирования.

Жанр официального объявления обладает несколькими жанрообразующими признаками: сверхадресатность, соответствие коммуникативной ситуации; небольшой объем, цель-информативная, императивная; зависимость темы, структуры и манеры использования от степени значимости информации.

Вторичные признаки:

вариантность композиционного строя; разные формы обращения / его наличие-отсутствие; особенность кодирования информации: буквы, символы, рисунки.

Виды официальных объявлений (по форме): текстовые, креализованные, рисуночные.

Характеристики текстовых официальных объявлений в маршрутном такси:

- по объему: от одного предложения до одного слова; Н: ВЫХОД; Экстренное открывание дверей; информативная часть, как правило, в форме инструкции по дальнейшей деятельности; лексика представлена стилистически нейтральная, для достижения максимального перлокутивного эффекта. Встречаются специальные лексические единицы: пассажир, водитель, остановка, путь; разный размер шрифта; по локализации: над дверью, на стекле, под обозначаемым объектом; слоты: оплата за проезд; пассажир и его поведение, остановка ; прямой порядок слов не нарушается, так как подобные тексты более конвенциальны; обращение в форме именительного падежа, множественного числа.

Б.Ю.Норман вводит понятие фрейма «поездка на маршрутке»: «абстрактный образ для представления некоего стереотипа восприятия», складывается из слотов: водитель (и правила его поведения);пассажир (и правила его поведения);маршрут; плата за проезд; вместимость (наличие свободных мест);остановка. [Норман: 73].

Слоты, представленные в официальных объявлениях: оплата за проезд, пассажир и его поведение, остановка,

Креализованные (объявления, которые включают в себя следующие элементы: объекты-стрелки, условные обозначения-аптечка, например),цифры.

Рисуночные: объявления в виде рисунков.

В салоне широко представлены игровые объявления. Мы вслед за Сквородниковым А.П. под Языковой игрой подразумеваем «творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / стилистической/речеповеденческой/логической нормы) использование любых языковых единици/или категорий для создания остроумных высказываний» [Сквородников: 81].

Отличия игровых текстов маршрутного такси от стандартного объявления: по структуре - яркая выраженность стремления к экономии речевых усилий, представленность краткими выражениями; по информативности – акцент на эстетическое восприятие информации, направленной на регулирование поведения пассажиров по стилю: свободное проникновение элементов разговорного стиля; («заткнись», «загрызу»), по степени выражения экспрессивности: использование приема языковой игры, знаки препинания, лексические единицы: «...заткнись!».

Функции неофициального объявления в маршрутном такси: эстетическая; информативная; регулятивная; фатическая; комическая; этическая

ЯИ реализуется посредством следующих приёмов:

Афоризация: Умение по – настоящему ругаться матом, приходит только с умением водить машину;

Антитеза: Лучше маленький рубль, чем большое «спасибо!»;

Порождение окказиональных слов: Просьба своевременно оплачивать проезд во избежание покусания;

Метафоризация: Не заплатишь – станешь лыжником!

Средства выражения ЯИ:

На фонетическом уровне – осознанное нарушение норм; на словообразовательном уровне - нарушение правил русского словообразования(намеренное эксплицирование морфемной и словообразовательной структуры слова, обусловленное особой эстетической и коммуникативной задачей);на лексическом уровне-при помощи наращения конструкции и лексической замены.

По внешней форме эти объявления могут напоминать афоризмы, пословицы, поговорки и другие легкоузнаваемые конструкции.

Таким образом, мы наблюдаем двойственность адресанта: коммерческая структура и водитель как языковая личность; двойственность адресата: пассажир как языковая личность и пассажир как получатель услуги, следовательно, обеспечивается гармоничное существование в пределах одного коммуникативного пространства двух видов объявлений (официальных и неофициальных).

Литература

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.,1979.

Миронова А.А. Жанры и стили современности. Саратов,2005.

Норман Б. Ю. В языковом микромире маршрутки. 1976.

Сковородников А.П. Языковая игра.М.,2001.

Особенности репрезентации инструкции в русском языке

Кондрашкина Екатерина Юрьевна

Студентка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва», Саранск, Россия

В связи с тенденцией к междисциплинарным исследованиям, которая складывается в современной науке, вопрос о передаче социально значимой информации приобретает особое значение. Инструкция является одним из важных средств передачи такой информации. Задачи, возникающие в сфере управления в условиях возрастающего разделения труда и усложнения производственных процессов, требуют повышения эффективности координации между подразделениями и отдельными работниками. Инструкция также выступает средством поддержки пользователя, которое может обеспечить эффективную передачу экспертной информации.

Объектом исследования послужили четыре основных вида инструкций в русском языке, каждый из которых имеет особенности в плане структурирования, языкового выражения: медицинские (МИ), косметические (КИ), технические (ТИ) и кулинарные (КРИ). Различия обусловлены влиянием прагматических факторов, в частности спецификой изучаемой области, функциями предметов, к которым прилагаются инструкции, степенью сложности их использования.

Текст инструкции – коммуникативная система речевых знаков и знаковых последовательностей, воплощающая сопряженную модель адресата и отправителя. Инструкция имеет относительно устойчивую структуру. Она нередко представляет собой креолизованный текст – сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, ориентированное на комплексное воздействие на адресата [Ворошилова: 184]. Степень креолизации зависит от типа инструкции. Технические

инструкции и рецепты являются текстами с частичной, реже полной креолизацией. Косметические и медицинские инструкции – тексты с нулевой креолизацией. Медицинские инструкции могут иметь частичную креолизацию, но в редких случаях.

Целью исследования является рассмотреть прагматические особенности репрезентации вышеуказанных видов инструкций в русском языке.

Текст инструкции структурируется посредством ответов на следующие вопросы: 1) какой объект используется; 2) по отношению к чему его нужно использовать (решению какой проблемы должно способствовать применение); 3) как использовать (какое действие нужно произвести, чтобы объект применялся наиболее эффективно); 4) каким образом (как производить это действие); 5) когда (в какое время оно будет эффективнее / в течение какого времени); 6) при каких дополнительных обстоятельствах. Постановка данных вопросов зависит от потребностей адресата в экспертной информации. Задача адресанта ответить на них максимально подробно, непротиворечиво, возможно, используя дополнительные средства передачи информации (графические объекты). Но в каждом виде инструкции компонентный состав структуры варьируется, иногда это возможно внутри одного типа.

Кроме основных структурных элементов в каждой инструкции имеют место дополнительные структурные элементы. Они выделяются в зависимости от того, какую дополнительную информацию хочет донести до адресата адресант, но изначально не являются необходимыми для адресата. У всех типов инструкций есть как сходные дополнительные компоненты, например описание свойств, дополнительные указания и рекомендации, так и специфические, характерные для одного определённого типа. Так, для КИ характерны рекомендации, которые носят рекламный характер. Для КРИ – «пролог» – информация об истории блюда, дополнительное замечание составителя или просто информация о читателе, приславшем рецепт, не имеющая ничего общего с блюдом, или всё сразу, и фотографии – снимки блюда или человека, приславшего рецепт. Только в МИ есть такие дополнительные структурные элементы, как предостережения и история научных разработок и экспериментов (крайне редко – 2 инструкции из 100).

ТИ принципиально отличается от других видов инструкций по структуре. Сложность в описании структуры ТИ состоит в том, что под ТИ усматриваются инструкции к широкому кругу приборов, иногда очень разнородных: от посудомоечных и стиральных машин до CD и DVD проигрывателей. Кроме того, инструкции к одним и тем же приборам отличаются в зависимости от функциональности и производителя.

Инструкция по эксплуатации каждого прибора включает следующие основные этапы: общие указания (название изделия и меры предосторожности при эксплуатации), знакомство с прибором (представляет собой изображение объекта в нескольких ракурсах с указанием всех деталей и кнопок на передней, задней и боковых панелях часто с дополнительным описанием), установка и сборка прибора и его составляющих (сюда относится и настройка параметров), функционирование (представляет собой подробное описание последовательности действий для каждой функции, часто в табличной форме), устранение неполадок (в табличной форме).

Структура текстов инструкции, рубрикация, наличие изображений ярко демонстрируют коммуникативные отношения между адресатом и адресантом в прагматическом аспекте. Адресант, как правило, эксплицитно не выражен, адресат представлен в зависимости от типа инструкции, например дифференцированная характеристика адресата – обязательный компонент медицинской инструкции.

В ходе доклада предполагается использование иллюстративных приложений.

Литература

Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 180-189.

Формальное и функциональное описание языка детской заумной считалки

Коротаева Евгения Валерьевна

Аспирантка Института русского языка имени В.В.Виноградова РАН, Москва, Россия

В изучении считалок, несмотря на возникший к ним интерес со стороны исследователей (Г.С. Виноградова, М.Н. Мельникова, М.П. Чередниковой, А.Д. Баранцева и других), существуют определенные проблемы, в первую очередь, связанные с недостаточным вниманием к языковой стороне детской считалки. Актуальность рассмотрения избранной темы определяется особой ролью языка считалки как в системе языка детского фольклора русского народа, так и в становлении и развитии литературного русского языка, отражения в считалке национальных черт народа.

Для описания языка детской заумной считалки был составлен тезаурус данного жанра. Под тезаурусом мы понимаем словарь особого типа с эксплицитно выраженными семантическими связями между его единицами. Тезаурус как лингвистическая модель языка фольклора может служить инструментом исследования народного языкового сознания, или коллективной языковой личности, создавшей фольклорные тексты, и способом представления фольклорной картины мира [Никитина: 27]. Следует заметить, что составленный нами тезаурус представляет собой модель, совмещающую в себе два тезауруса, по терминологии, приведенной в [Гаспаров: 275]:

- 1) формальный (по сходству);
- 2) функциональный (по смежности, по ситуациям).

Важно отметить, что все словоформы формального тезауруса получают свою реализацию в функциональном тезаурусе. Ярким примером являются заумные элементы, которые в формальном тезаурусе, опираясь на сходства, можно объединить в группы по происхождению, а в функциональном тезаурусе, по смежности, по ситуациям они будут выполнять:

- функции счетных слов;
- функцию выхода;
- магическую функцию.

В результате исследования с помощью формального тезауруса мы смогли описать грамматические классы слов, которые являются наиболее употребительными в считалках таких, как существительное, глагол, прилагательное, числительное, междометие. В свою очередь, в некоторых грамматических классах были выделены тематические и семантические группы. С помощью формального описания нами были определены характерные черты для лексического состава считалок, морфологические признаки и особенности словообразования считалок.

Функциональное описание классифицирует формальные элементы в терминах функций, ими выполняемых. Функциональный тезаурус учитывает изменения языка, обусловленные новыми функциями слов в тексте. В тексте считалки одни слова сохраняют свое значение и номинативную функцию, называя элементы ситуации, описываемой в считалке. Другие слова сочетают номинативную функцию с новой функцией счета, что ведет к ослаблению лексического значения. В третьем случае слова теряют свое номинативное значение, превращаясь в эквиваленты числительных или счетных слов. При этом на первый план выходят их сугубо формальные признаки: особенности звучания, ритмические закономерности. Слова в новой счетной функции стремятся освободиться от значения, «озаумливаются».

Составленный формальный и функциональный тезаурус слов из заумных считалок и считалок с заумными элементами позволяет выявить специфику языка детской считалки, изменения, а также изменения, которые вносят считалки в грамматический строй языка и его семантику.

Литература

Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение. 1995.

Никитина С.Е. Фольклор: проблемы тезауруса. М., 1994.

Особенности современного газетного каламбура

Моисеенко Татьяна Андреевна

Студентка Донецкого национального университета, Донецк, Украина

Ценность каламбура для газетного дискурса в его информативной емкости, словесной лаконичности, оценочности, языковой игре.

Объект исследования – язык современных русскоязычных газет за 2008-2010 гг. Предмет – особенности каламбура в них (на материале 100 единиц).

Цель исследования – уточнить место каламбура в метаязыке лингвистики и представить опыт классификации и описания современного газетного каламбура в соответствии с приемами языковой игры.

Связь каламбура с языковой игрой [Норман: 8] рассматривают по-разному. Нередко их отождествляют, усматривая в каламбуре действие «ассоциативно связанных значений», «несоответствие плана выражения и плана содержания» ([Михейкина: 68] со ссылкой на Гридину). Однако знак тождества здесь не вполне корректен, а ассоциация лишь один из элементов, связывающих значения компонентов в каламбуре. Порой значения намеренно «сталкиваются» в контексте и рожают ассоциации: *Судьба показала ему зубы, а он ей кузькину мать* [КП]. Для «расшифровки» каламбура часто служат «сигнализаторы»: *Нашла коса на вентиль* [2000] – сигнализатором изменения значения слова *коса* (*нашла коса на камень*) на омонимичное является *вентиль*; этим создан иной ассоциативный ряд.

Вслед за проф. В.З.Санниковым считаем: не всегда план выражения и план содержания не соответствуют друг другу. Анализ состава 3 семантических типов («соседи», «маска», «семья») [Санников: 499 – 500], где «соседи» – смыслы суммируются; «маска» – значения сталкиваются, и одно из них становится доминирующим; «семья» – смыслы сталкиваются, но нет «победителя», свидетельствует, что только в каламбуре-«маске» план выражения и план содержания не соотносятся; в остальных в рамках одного контекста соединяется два значения, одно из которых зачастую соответствует плану выражения, ср.: *Выборы без выбора* [2000].

Спорными остаются отношения каламбура и языковой игры (ЯИ). Если Т.А.Гридина их отождествляет, то Б.Ю.Норман определяет каламбур как фигуру речи и вид ЯИ, как «только одно из средств создания комического» [Норман: 8]. В.З.Санников трактует каламбур как шутку [Санников: 497]. Считаем: каламбур создается с помощью приемов ЯИ. Фактор, объединяющий каламбур и ЯИ, — отступление от канонов. Языковая игра – это нарушение сложившейся языковой нормы. А каламбур – это вид комического, одним из признаков которого является «отклонение от нормы», «ошибка».

Правильно ли тогда называть каламбур видом ЯИ? Отнести каламбур к средствам создания ЯИ не вполне убедительно, так как понятие «каламбур» шире понятия приема, в создании каламбура участвует совокупность языковых средств и, как правило, не один прием. Таким образом, каламбур и ЯИ – категории, различающиеся и по объему, и по месту в метаязыке лингвистики. Для прояснения ситуации следует подойти к классификации ЯИ с другой стороны и рассмотреть не сами средства, а результат их работы: явления, создаваемые языковой игрой. В этом случае, на наш взгляд, каламбур может найти свое место как вид ЯИ.

А.П.Сковородников определяет каламбур как «разновидность языковой игры с установкой на комический эффект, конструктивную основу которой составляют стилистические фигуры, опирающиеся на такие парадигматические отношения в лексике, как полисемия, омонимия, паронимия (в широком смысле, включая паронимазия) и антонимия» [Культура русской речи: 234]. Думается, в определении должны быть учтены и структурно-синтаксические возможности данной стилистической фигуры:

контаминация, эллипсис, трансформация фразеологизмов, парцелляция и др. Приемы преобразования устойчивых выражений (в том числе и через контаминацию и эллипсис) обладают высоким потенциалом для развития каламбура. Так, анализ фактического материала позволил выявить помимо традиционно перечисляемых (полисемия, омонимия, антонимия, синонимия, паронимия, окказионализмы, в том числе графические, иноязычия) следующие структурно-синтаксические приемы ЯИ, с помощью которых образуются каламбуры: 1) трансформация фразеологических единиц: *Бабу с воза – Кабмину легче* [2000]; *Вовкуна бояться – в кино не ходить* [2000]; *Тому и в князи, кто добежал весь в грязи* [2000]; 2) контаминация: *Рожденный ползать в огне не горит* [КП]; *Грязь по пояс нам по плечу* [2000]; 3) эллипсис: *Седина в бороде, Импаза в...* [КП]; 4) смешанные способы: а) с использованием омонимов, трансформацией фразеологизмов и парцелляцией: *Да, политическая жизнь бьет ключом¹. То ли гаечным², то ли еще каким-то. У наших политиков же ума, как известно, палата³. Только ключ⁴ от этой палаты частенько теряется* [2000]; б) с обыгрыванием полисемии, квазиантонимии, разрушением фразеологизма, парцелляцией, неполнотой: *...выборы у нас практически на носу. А если на носу – то и на ушах избирателей. Лапша всякая. Чем лапша развесистей – тем лучше* [2000], что усиливает экспрессию и «эффект обманутого ожидания», когда ключевое для автора «слово «прикидывается» одним, а оказывается чем-то другим» [Санников, с.500], и этому во многом способствует выбранная для реализации смысла синтаксическая структура.

Таким образом, немалую роль в создании каламбуров играют синтаксические приемы и средства, которые пока остаются почти неизученными. Нам представляется, что структурно-синтаксическая организация каламбурных образований такая же богатая и разнообразная, как и лексико-семантическая, и что этот уровень немаловажен для адекватного понимания каламбура. Следовательно, изучение этой стороны русского каламбура ждет своего исследователя.

Литература

- Михейкина С.Г. Когда газетный заголовок – каламбур // Русская речь. 2008. № 4. С. 68 – 72.
- Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и др. М., 2003.
- Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.

Языковые репрезентанты художественного пространства в тексте литературной сказки

Нагорная Ольга Викторовна

Аспирантка Тольяттинского государственного университета, Тольятти, Россия

Сказочный хронотоп выделяется исследователями в качестве одной из «несущих конструкций» структуры жанра, так как дает наглядное представление о художественной картине мира. Особенности хронотопа литературной сказки во многом обусловлены связью с генетически родственным жанром – фольклорной сказкой. Исследователи фольклорной сказки отмечают в качестве основных черт ее хронотопа *цикличность*, *замкнутость* (картина мира в ней, вслед за традицией, идущей из мифологии, *циклически замкнута*; время и пространство условно, замыкается в сказочной реальности, наделенной особыми законами) и «*пунктирность*» (ключевые моменты сюжета зафиксированы, промежутки опускаются).

Хронотоп в литературной сказке обладает схожими чертами, однако имеет и различия, обусловленные тем, что литературная сказка, не теряя глубинной связи с фольклорной, эволюционирует в направлении художественной литературы и приобретает

более свойственные последней черты. Рассмотрим это на примере художественного пространства.

В литературной сказке, наследующей ключевой жанровой признак фольклорной сказки – необычность, фантастичность изображаемых событий, наблюдаются признаки как ирреального (фантастического, волшебного, «иноного» мира), так и реального, имеющего, однако, условный характер.

Мы, вслед за О.И.Зворыгиной, выделяем в тексте литературной сказки три вида пространства: *приближенное к реальному, фантастическое и психологическое*.

1. Пространство, *приближенное к реальному*, в современных литературных сказках чаще всего представлено пространством города и построек, его заполняющих. Так, в сказке А. Егорушкиной «Настоящая принцесса и Бродячий мостик» в качестве условно-реального пространства выступает город Петербург: «...*Лиза направилась по набережной к Дворцовому мосту. На спуске у Адмиралтейства она по привычке замедлила шаг около своих любимых львов... По набережной... озабоченно спешили люди...*» [Егорушкина: 38-40]. Несмотря на приближенность данного пространства к реальному, в нём наблюдаются необычные ситуации, что свидетельствует об его условности (например, наличие в сказке говорящих зверей).

2. *Фантастическое пространство* противопоставлено предыдущему. Как в фольклорных, так и в литературных сказках, это пространство иного мира, населенное в основном вымышленными существами, наполненное волшебными предметами. Маркерами этого пространства в литературной сказке могут выступать такие лексические единицы, как *море, море-окиян, небо* и др. Кроме того встречаются и вымышленные названия миров (например, в сказке А.Егорушкиной – «*волишебное королевство Радинглен*»), и реальные топонимы (*Москва, Петербург*), и условные (*город Н.*). Все они служат средством создания в сказках особой сказочной реальности, в которой действуют законы замкнутости пространства (воссоздается сказочная модель мира).

3. В отличие от фольклорной сказки в тексте литературной актуализируется *психологическое пространство*, так литературная сказка эволюционирует в направлении художественной литературы (в литературе воссоздается бытие в чувственной конкретности, герои рисуются с чертами образного правдоподобия, индивидуальных особенностей, с изменчивостью психологических состояний и характеров). В зависимости от метода, в котором работает автор, изменяется изображение психологического пространства. Так, у писателей-романтиков на страницах сказочных произведений прослеживается доминирование эмоциональной лексики (А. Погорельский, В.А. Жуковский) в силу того, что в их произведениях на первый план выходит изображение человеческой личности, чувств и переживаний героя. Данная особенность прослеживается во взаимосвязи психологического пространства и времени (время «растягивается» в момент эмоционального состояния персонажа): «*Обливаясь слезами, лег он в свою постель, но никак не мог заснуть. Долго лежал он таким образом и с горестию вспоминал о минувших счастливых днях. Все дети уже наслаждались сладким сном, один только он заснуть не мог!*»; «*Всю ночь он не мог сомкнуть глаз ни на минуту. За час перед рассветом слышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колес...*» [Погорельский: 45-51]. В данных отрывках из сказки А. Погорельского «Черная курица» эмоциональное состояние героя описывается с помощью эмотивной лексики, свидетельствующей о проявлении чувств (*слёзы, с горестию*). Временная длительность и «растянутость» состояния выражается при помощи наречия *долго*, существительных с временной семантикой *всю ночь, за час перед рассветом*, глаголов несовершенного вида (*лежал, вспоминал*) и использования стилистического приема, являющегося средством художественно-образной конкретизации действительности – «глагольного речеведения» (термин М.Н.Кожинной), когда действие описывается поэтапно, рисуя одно движение за

другим (*встал – приложил – слышал*) и другими средствами. Рассмотренные средства в комплексе помогают точно, в деталях выразить психологическое состояние героя, проследить динамику его душевных переживаний. Это подтверждение построения конкретно-чувственного образа с индивидуальными чертами, а в целом – художественного метода, отличного от фольклорного (обобщающего) метода изображения действительности, суть которого В.П.Аникин определяет понятием «художественной сублимации» [Аникин].

Таким образом, рассмотрев особенности художественного пространства и его языковую репрезентацию в тексте литературной сказки, констатируем: литературная сказка, не теряя связи с фольклорным прототипом, эволюционирует в направлении художественной литературы и приобретает более свойственные последней черты.

Литература

Аникин В.П. Теория фольклора. М., 1996.

Егорушкина А. Настоящая принцесса и Бродячий мостик. СПб., 2004.

Зворыгина О.И. Эволюция языка и стиля литературной сказки XVIII – XX веков.

Автореферат. Сургут, 2009.

Погорельский А. Черная курица, или Подземные жители. М., 1992.

Метапоэтические штудии в «Русской грамматике» А. Х. Востокова

Селиверстова Галина Евгеньевна

Магистрант Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

Метапоэтика – это «поэтика по данным метапоэтического текста, или поэтика по данным самоинтерпретации». [Штайн, Петренко: 21] Метапоэтические тексты образуют единую систему представлений автора о творчестве.

В научных трудах А. Х. Востокова проявляются особенности его поэтического мышления, в то же время его метапоэтические наблюдения основаны на языковых фактах. В основе его метапоэтики лежит единство лингвистического и поэтического творчества.

В 1831 году вышла «Русская грамматика, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная», содержащая не просто систематизацию грамматических явлений, но и 1) их осмысление с особой, поэтической, точки зрения; 2) переключки с наблюдениями в «Опыте о русском стихосложении»; 3) их стилистическая дифференциация; 4) выделение стихотворного текста как особого типа речи.

Востоков выводит правила на основе анализа языка. Язык – основа любого творчества, и особое – поэтическое – мышление художника проявляется в стремлении семантически осмыслить грамматические факты. Автор раскрывает семантику языковых единиц:

«Словами называются звуки голоса, коими человек выражает свои понятия и чувствования». [Востоков 1874: 1]

Грамматических категорий:

«Падежи суть окончания имен, показывающие отношения предметов одного к другому». [Востоков 1874: 12]

Отдельных граммем:

«Родительный обозначения имеет место при существительных и при глаголе вспомогательном быть, когда предмет определяется или обозначается по его качеству, месту, времени и другим обстоятельствам...» [Востоков 1874: 132]

Автор дает не только лингвистическое определение (особенности функционирования единицы в системе языка, грамматическое значение), но и энциклопедическое, внелингвистическое, сообщая данные о отрезке действительности, соответствующем данной языковой единице («чувствования», «мысль», «качество», «место», «время»).

«Свойства языка нашего» – принцип, которым руководствовался Востоков в работе не только над грамматической системой языка, но и при описании силлабо-тонических размеров в «Опыте о русском стихосложении» (1817).

В «Грамматике» Востоков дает определение «периодов»: это предложения, заключающие в себе «по одной мысли». [Востоков 1874: 166] Автор впервые намечает связь интонации и синтаксиса, обращаясь к понятию «ударение»: «один период от другого можно отделять должайшими или кратчайшими остановками, также приличными повышениями или понижениями голоса». [Востоков 1874: 168]

В «Опыте...» стихи старинных русских песен Востоков измеряет по «прозодическим периодам» и определяет этот термин как ряд слов, представляющий собой одну «неразделенную купу мыслей» и имеющий одно ударение. Востоков считает ударение «неотъемлемой основой, на коей утверждается гармония стихов русских». [Востоков 2006: 316] Востоков впервые выделяет прозодический период как интонационно-смысловую единицу речи и как основу русского стихосложения.

Именно свойствами языка автор объясняет наиболее приемлемый на русской почве тип стихосложения.

В своей «Грамматике» Востоков проводит стилистическую дифференциацию речи, выделяя «важную или благородную речь» (книжный язык), «простонародную» и «обыкновенную речь или язык разговорный».

Востоков прежде всего анализирует особенности употребления «важной речи» в сравнении с просторечием: «Сокращение ой, ей, вместо ою, ею, принадлежит просторечию, и допускается также в стихах для меры». [Востоков 1874: 19] Из лексических особенностей автор отмечает употребление отдельных слов (для важной речи предпочтительней употребление «един» вместо «один»).

В особую систему можно выделить метапоэтические данные, представляющие собой пометы для стихотворцев. Автор выделяет поэтический текст в особую область исследования, вводя обозначения «в стихах», «употребляемого стихотворцами», «допускается только в стихотворстве» и т. д. Допущения касаются грамматических форм (усеченное окончание употребляется только стихотворцами) и грамматических значений:

«В важной речи у стихотворцев употребляется... дательный падеж, неуправляемый другими словами, и названный потому дательным самостоятельным или независимым. Таковой дательный падеж, объемлющий всегда два или три слова... есть сокращение придаточного предложения, начинающегося словами когда, между тем, как; сии союзы изъяснительные выкидываются; а глагол, к коему они относились, обращается в причастие, которое вместе со своим существительным или местоимением личным ставится в дательном падеже; напр. вместо слов: когда взошло солнце, мы отправились в путь... можно сказать: возшедшу солнцу, мы отправились в путь.» [Востоков 1874: 139]

Автор рассматривает преобразование формы и значения падежа в стихотворном тексте: «два или три слова» обращаются в причастие с существительным и местоимением, приобретают особое значение дательного независимого.

Автор не просто определяет систему норм для книжной речи, но замечает мельчайшие штрихи, свойственные именно поэтическому тексту, придающие ему образность. В этом проявляется поэтическое мышление художника, стремление осмыслить не только содержание, но и «строй» поэзии.

«Грамматика» – описание грамматической системы языка, содержащее ряд метапоэтических данных. Своеобразие метапоэтики Востокова проявляется в сочетании в тексте «Грамматики» данных об особенностях поэтического текста, его отличиях от других типов речи, с особым поэтическим осмыслением грамматических фактов. В основе метапоэтики Востокова лежит единство научного и поэтического мышления.

Литература

Востоков А. Х. Русская грамматика, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1874.

Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении // Штайн К. Э., Петренко Д. И. Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса: антология в 4-х т. Ставрополь, 2006. Т 1. С. 288 – 326.

Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика: учебный словарь. Ставрополь, 2006.

Синкретизм речевых жанров в творчестве Г.Н. Прозрителева

Тучина Мария Викторовна

Магистрант Ставропольского государственного университета, Ставрополь, Россия

Письменное наследие провинциального просветителя Григория Николаевича Прозрителева (1849 – 1933) до сих пор не изучено. Он оставил после себя исследования по истории, этнографии, археологии Ставропольского края, а также публицистические работы: статьи, рецензии, биографические и путевые заметки, очерки, рассказы и др. Многие его научные и публицистические работы отличаются жанровым синкретизмом, а порой и парадоксальностью в подходе к исследованию и освещению событий.

Как личность энциклопедического склада Г.Н. Прозрителев мог выходить за рамки жанровых канонов, обладая компетенцией усваивать, передавать и преобразовывать знания через призму разных видов дискурса. Так, в статье «Из местных былей» (1915) публицист преодолевает стереотипное представление о некрологе как о «печальном» жанре, который окрашен пафосом неизбежной утраты (некролог в МАС — '*Статья по поводу смерти кого-л. с сообщением сведений о жизни и деятельности умершего*'). Автор рисует «живой», т.е. '*Полный жизненных сил*', '*Деятельный, интенсивно проявляющийся*', '*Яркий, выразительный*' (МАС) портрет частного поверенного З.Ф. Будаш-Будашевского, представляет его интересной личностью с весьма необычной судьбой.

Прозрителев говорит о факте ухода из жизни «*способного, честного работника и хорошего человека*», не фиксируя особого внимания на обстоятельствах смерти. Публицист насыщает свое произведение оптимистичным и жизнеутверждающим пафосом, который совсем не свойственен жанру некролога. Добиться подобного «настроения» автору помогает обращение к таким жанровым моделям, как портрет и рассказ.

Портрет Будашевского создается на протяжении всего текста. Прозрителев собирает портретные черты своего героя, которые помогают ему понять человека в динамике развития личности: «*красные от мороза руки, выставившиеся из коротких рукавов какого-то полукафтана*», «*Большие черные волосы, борода*» и др.; дополняя портрет своего героя, Прозрителев обращает особое внимание на его личные и профессиональные качества: «*При большом трудолюбии и силе воли он отличался необыкновенно ровным и мягким характером и большою отзывчивостью*»; «*всегда я убеждался в добросовестном отношении к принятым делам, к которым он прилагал все старание, и в умелом ведении дела*» [Прозрителев: 3].

Обращение в основной части работы к жанровой модели рассказа, который представляет собой небольшое по объему произведение повествовательного характера, с четко выделенной сюжетной линией, позволяет автору изобразить своего героя в конкретных, ярких, порой юмористических, но по-своему значительных жизненных ситуациях. Публицист пересказывает комичный случай, который стал причиной ареста незадачливого конвоира Будашевского и мог окончательно сломать его судьбу. Будашевский, тогда еще начальник этапной команды, препровождал партию арестантов в Невинномысск. Один из арестантов, подозреваемый в разбойном нападении, уговорил Будашевского выпить с ним чаю в теплой соседней с тюрьмой хате и согреться. «*Князь [арестант] без умолку радовался на свою судьбу и рассыпался в благодарности, а*

«начальник» слушал. Усталость скоро сказалась, и глаза стали смыкаться. «Я все смотрел на князя» — говорил Будашевский.

Так просидели до утра, когда в 6 часов позвали «начальника» на поверку, постучав в окно. Будашевский вскочил, а князь сидит; плохая лампочка, догорая, слабо освещала комнату.

— Князь?!

Но на месте князя стояла одна бурка, покрытая шапкою князя...

Князь, давши честное слово, ловко ускользнул из хаты и исчез бесследно, а Будашевский проспал до утра, сидя за столом» [там же]. Будашевский был осужден за то, что «способствовал побегу важного преступника из корыстных целей, получив в подарок бурку и шапку преступника» [там же]; в течение года Будашевский пребывал в тюремном заключении. Но не арест, а дальнейшее, более близкое знакомство с Прозрителевым предопределило его судьбу.

Без назиданий Прозрителев повествует о событиях, которые способствовали тому, чтобы Будашевский переломил свою судьбу, искренне восхищаясь человеком, окончательно искоренившим свои пороки, недостатки и слабости. Он самостоятельно приобрел знания, которые позволили ему стать полноправным и уважаемым членом общества. «Этот случай самоусовершенствования представляет большой интерес, так как произошла коренная переработка в привычках человека уже сложившегося. А между тем, предшествующая жизнь совсем не дала соответствующих воздействий», — замечает автор статьи [Прозрителев: 3].

Автор насыщает свой рассказ диалогами, которые благодаря четкой обозначенности участников коммуникации (Прозрителев и Будашевский) и их коммуникативному равноправию создают эффект «живой беседы» в реальном пространстве-времени:

«— Хотите быть у меня письмоводителем и жить у меня?

— Хочу.

— Но вот условие. Пьете?

— Пью.

— Здорово?

— Бывает...

— Курите?

— Курю.

— В карты играете?

— Играю.

— Я не пью, не курю и в карты не играю, и вы должны все это бросить. Даете слово?

— Даю» [там же]. Лаконичность и взаимообусловленность реплик позволяет говорить о диалоге как об одной из наиболее «живых» и динамичных форм развития сюжетной линии рассказа.

В статье «Из местных былей» публицист преодолевает культурные стереотипы, связанные с жанром некролога, создавая яркий, «живой», положительный портрет З.Ф. Будаш-Будашевского. Освещая традиционные для некролога темы – уход из жизни как факт, ключевые даты в биографии и основные аспекты деятельности умершего, публицист привлекает жанровую модель рассказа, которая позволяет ему изобразить своего персонажа в занимательных и комичных ситуациях; в пространство рассказа автор включает большое количество диалогов, которые удачно имитируют живую устную речь. Так сообщение о смерти преобразуется в рассказ о жизни, оставляя в памяти яркий портрет деятельного человека.

Литература

Прозрителев Г.Н. Из местных былей (памяти З.Ф. Будаш-Будашевского)// Северокавказский край. 1915. 30 октября. С. 3.

**Вымышленный язык надцат как объект исследования русистики
(на материале русскоязычных переводов романа Э. Берджесса «Заводной апельсин»)**

Щербина Анастасия Сергеевна

*Студентка Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев,
Украина*

Вымышленный язык надцат в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин» – феномен, представляющий значительный интерес для лингвистики в этимологическом, словообразовательном, лексико-семантическом, стилистическом отношениях. Словарь надцата Э. Берджесса насчитывает около 200 элементов: слова и словосочетания, заимствованные из русского языка, лондонского сленга кокни, и окказиональные элементы. Подавляющее большинство надцатизмов составляют русизмы, своеобразно транслитерированные латиницей. В отечественном языкознании данный феномен остался незамеченным. Тем не менее, в переводах романа «Заводной апельсин» на русский язык надцат выступает как самодостаточное явление, сконструированное на базе собственно русского языка, и может стать полноценным объектом изучения русистики.

Внедренные Э. Берджессом в англоязычный текст русизмы производят на англоязычного читателя шокирующий эффект. Переводчикам романа «Заводной апельсин» по понятным причинам необходимо было искать другие способы передачи подобного воздействия, и для этой цели они активно использовали экспрессивный фонд русского языка, в частности единицы жаргонной, сленговой и просторечной лексики. Эта особенность, с одной стороны, определяет самостоятельность переводов по отношению к оригиналу, с другой - позволяет объединить эти варианты под общим термином «русский надцат», который и выступает объектом нашего исследования.

Цель исследования – системное описание русского надцата, которое предполагает решение следующих задач:

- 1) определить структуру и дифференциальные признаки русского надцата, проследить этимологию его элементов;
- 2) описать способы образования единиц русского надцата;
- 3) определить предметно-понятийную сферу русского надцата;
- 4) выявить специфику функций надцата в переводах и в оригинальном тексте.

В качестве материала исследования выступают тексты переводов романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» на русский язык Е. Синельщикова (1991), В. Бошняка (1991), А. Газова-Гинзберга (1977).

В результате комплексного изучения русского надцата, приходим к следующим выводам.

Лексику русского надцата составляют единицы, заимствованные из общелитературного русского языка, молодежного сленга, уголовного жаргона, просторечия, а также элементы, образованные по моделям, характерным для русского языка. Кроме того, русский надцат оперирует собственным фразеологическим фондом. Все его единицы обладают преимущественно негативной коннотацией. В варианте О. Бошняка некоторые надцатизмы зафиксированы латиницей.

Основными путями образования надцатизмов является заимствование готовых единиц сленга/жаргона/просторечия и образование новых элементов, созданных по продуктивным моделям.

Базовую лексику русского надцата составляют сленгизмы, жаргонизмы, заимствованные из английского языка (*фрэнд, драйвер, хаус, плейс, коп, аск*) и единицы, отсутствующие в живом языке, но образованные путем транслитерации широко известных английских слов и словосочетаний (*референская литерача* - справочная

литература, *ридаляня/ридинг холл* - читальный зал, *щитсы пейпера* - листы бумаги, *лукт эт ми, лукс эт ас* - смотрел на меня, смотрит на нас).

Кроме того, в структуре русского надцата представлены также сленговые элементы, построенные на собственно русской базе (*подрезать кого-либо* – ранить кого-либо ножом, *проф* – профессор, *век/вэк* – человек, *intell* - интеллигент, *biblio* - библиотека).

Большую часть словаря надцата составляют слова из уголовного жаргона и просторечия, немалая часть из них – агрессивные брутализмы и вульгарные фекализмы (*рыло, оборзеть, чувиха, fignia, mahra*).

Отдельное количество надцатизмов восходит к фондам общелитературного русского языка, в этом случае экспрессивизация нейтральной лексики происходит посредством транслитерации ее латиницей (*poniatt, slovo, vidett, notsh, glupyi*).

Отдельную группу надцатизмов составляют новообразования, сконструированные путем повторения слова или части слова (*malltschi-palltschiki, иззи-винни-ненния, deng-deng-hrust-deng*).

В соответствии с проблематикой произведения ядро предметно-понятийной структуры русского надцата составляют обозначения различных способов нанесения телесных повреждений («бить»): *сделать кому-либо toltshok/tolshoking, toltshoknutt, zagasitt, molotitt, potuzitt, лупить, влупить, выщемить, садануть, делать драксинг/фейтинг, метелить*), наименования лиц («друзья»): *drugi, фрэнды, koresha, дружбаны*; «родители»: *predki, тата и рара, ма и па, фазер и мазер*), экспрессивные номинации отдельных черт характера (*obaldenni, потрясный, очароваха, kliovu, паскудный, найсовый, изгвазданный*).

Сопоставительный анализ словариков переводных вариантов надцата со словариком оригинала показал, что в большей части случаев их элементы не совпадают. Кроме того, количество надцатизмов в каждом из переводов значительно превышает их количество в тексте оригинала. Это объясняется тем, что в целях сбалансирования стилистического эффекта, переводчики прибегали к приему маневрирования экспрессивными языковыми средствами, что привело к появлению вымышленного языка иной природы, нежели оригинальный надцат.

Результаты, полученные в ходе системного анализа русского надцата, могут быть применимы в литературоведении, социолингвистике, дериватологии, в решении отдельных языковедческих вопросов, в частности об экспрессивном потенциале сленгизмов и их функционировании в художественной литературе, об английских заимствованиях в русском языке, о возможных тенденциях развития русского сленга, жаргона и др.